

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

IV. MODERN LITERATURE: THE STUDY OF TOPICAL ISSUES

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕТСТВА КАК ТРАВМЫ В РОМАНЕ О. ГАПЕЕВОЙ «КЭМЭЛ-ТРЭВЭЛ»

Е. В. Гранкина

*Кандидат филологических наук, доцент,
Белорусский государственный
педагогический университет,
г. Минск, Беларусь*

Summary. The article is dedicated to the theme of childhood in a modern Belarusian novel «Camel Travel», written by Volha Hapeyeva. Peculiarities are related to the fact that the author analyses the psychological traumas she suffered during her childhood. The image of the childhood in the novel does not correspond to Paradise Lost, a frequently encountered in literature image.

Keywords: autobiographical prose; childhood; psychological trauma; reflection.

Ольга Гапеева (р. 1982) – современная белорусская писательница, автор прозаических, поэтических, драматургических произведений, которые адресованы как взрослой аудитории, так и читателям-детям, обладательница литературной премии «Экслибрис» за лучшую детскую книгу «Сумны суп» (2013), лауреат премии «Книга года» (2015) и иных литературных премий.

Роман О. Гапеевой «Кэмэл-Трэвэл» (2019) воспроизводит события из личной жизни писательницы периода ее детства, при этом авторский интерес фокусируется не только на самом событии, но и на его рефлексии, что приводит к эффекту удвоения повествовательной перспективы, так как взгляд ребенка и взгляд взрослого рассказчика являют собой симбиотическое единство.

По жанровым характеристикам «Кэмэл-Трэвэл» вписывается в канон новейшей белорусской литературы, где особую популярность обретают художественно-документальные жанры, в которых фиксируются изменения, происходящие с течением времени как с самим автором, так и с социумом. Свидетельством этому может быть творчество С. Алексиевич, романы Адама Глобуса «Сям'я», Д. Бартосика «Быў у пана верабейка гаварушчы». Т. А. Карпеева отмечает, что художественная ценность таких жанров «...определяется не только объективной стороной "non-fiction", но и субъективным фактором – личностью автора как "эго-текст"» [2, с. 1]. К категории эго-текста в художественно-документальной прозе относят, в частности, элементы автобиографизма, которые в романе О. Гапеевой становятся сюжетобразующими.

Историческим фоном романа «Кэмэл-Трэвэл» становятся последние десятилетия существования БССР и СССР. Диалектике взаимодействия Белоруссии (в романе – Беларуси [1, с. 9]) и России, как доминирующей республики в составе Советского Союза, О. Гапеева уделяет существенное внимание, образно сопоставляя это взаимодействие с русской матрешкой, суть которой в поглощении большей фигурой меньшую. Для писательницы любимой была последняя матрешка, «которая не раскрывалась и не скрипела, была гладкой и миниатюрной, как и БССР в сравнении с СССР» (здесь и далее перевод с бел. – Е.Г.) [1, с. 5]. Современное осмысление эпохи перестройки в многообразии свойственных этому периоду противоречий в определенной степени обусловили негативное отношение О. Гапеевой к своему детству. Образ детства в романе «Кэмэл-Трэвэл» далек от часто встречаемого в литературе образа детства как потерянного рая.

В изображении О. Гапеевой главными характеристиками детской жизни была ее строгая регламентация, существование системы непреложных правил и запретов, при этом главным правилом и требованием было послушание, подчинение ребенка взрослому («...в то время я слушалась всех: маму, бабушку, теток, учителей, докторов» [7, с. 21]), приоритет практического, материального над духовным («...максимум практичности, минимум эстетики» [7, с. 57]), разумного над эмоциональным.

Основное пространство детства – это семья, дом, место, где тепло и уютно. Однако героиня романа «Кэмэл-Трэвэл» воспитывалась в неполной семье, без отца. Вероятно, этот факт должен вызвать сочувствие. Однако, как отмечает О. Гапеева, «...я совсем не переживала из-за того, что теперь папа не жил с нами. Мне не приходилось ездить к его друзьям, от которых пахло пивом, а после смотреть на то, как мама переживает и кричит, потому что мы вернулись в полночь» [7, с. 13–14]. Более того, образы отсутствующего отца, разведенных родителей в глазах окружения рассказчицы оказываются не катастрофичными, а желанными: «Дети в школе мне завидовали, потому что почти никто из них не был доволен брачными отношениями своих родителей. Почти каждый день им доводилось слушать ругань и концерты в бемольной тональности для родителей с оркестром» [7, с. 14]. Однако сама героиня ситуацию, предшествующую распаду семьи, переживала болезненно: «...по интонациям и телодвижениям я понимала, что происходит что-то трагическое, и это давалось мне непросто» [7, с. 78]. Дом превратился в клетку, из которой хотелось скорее вырваться: «...главным было как можно скорее выйти из квартиры, а куда – не имело значения» [7, с. 78].

Недовольство своей семьей, ролью в семье имеет в роду героини давние традиции. Так, примечателен эпизод разговора с бабушкой. На вопрос внучки, кем она хотела быть в детстве, та ответила: «Хотела быть мамой. Вот и стала, – безрадостно вздохнула она... Будто кто-то обманул ее,

сказав, что быть мамой хорошо, это даже может вызывать зависть, но оказалось – совсем не так» [7, с. 14]. Кризис семьи, кризис в политическом устройстве, кризис в бытовой составляющей жизни, когда не «покупали», а «доставали» [7, с. 46], кризис идеологии, например, одним из открытий для рассказчицы стало то, что на значке-звездочке, который она носила, будучи первоклассницей, образ Ленина: «...мне и в голову не могло такое прийти, я просто носила какую-то звездочку с чем-то внутри» [7, с. 4], тотальное ощущение того, что тебя обманули – все это обусловило пессимистичность присущего героине взгляда на мир, взгляда, полярность которого ей пришлось менять еще долго после своего взросления. Не случайно одна из глав романа заканчивается описанием школьной фотографии: «...так что среди всех красивых детей в праздничных нарядах та, что выглядит черным пятном с виновато-безразличным взглядом, – это я» [7, с. 35].

Исходя из авторских воспоминаний, можно говорить о том, что у героини романа «Кэмэл-Трэвэл» было «детство без детства»: «Мама воспитывала из меня спартанца и очень не любила, когда я плакала. Она считала, что жалеть и утешать меня нельзя... Более действенной считалась фраза: "Сейчас возьму ремень, тогда будешь знать, почему ревешь"» [7, с. 29]. Так же показательно воспоминание героини об одном лете в детском спортивном лагере. Оно было «...насквозь пронизано муштрой, которой позавидовали бы Фридрих Великий или кайзер Франц Иосиф» [7, с. 18]. Желание матери дать дочери воспитание и образование «как у всех» привело к тому, что героиня проживала «...дни и месяцы под лозунгом "ни минуты без растяжки"» [7, с. 18]. При этом сама рассказчица не чувствовала ни желания, ни особых талантов для того, чтобы заниматься гимнастикой. Не случайно О. Гапеева, описывая страх того, что во время шпагата могут порваться связки и все части тела будут «болтаться в разные стороны, независимо от моего желания» [7, с. 18], создает образ марионетки – ведомой, управляемой и одинокой. И поэтому одновременно трагичен и закономерен вопрос, рождающий комплекс вины у ребенка восьми лет: «за что?» (курсив – О. Гапеева) [7, с. 20].

Тема диалога взрослого с ребенком в романе «Кэмэл-Трэвэл» окрашена мрачными тонами. Чаще всего между этими мирами пропасть непонимания, недоверия и эмоциональной холодности. В книге появляется образ ребенка-получеловека, и пусть ситуация, в которой употреблено это обозначение, скорее, юмористическая (если у тебя зимой варежки на резинке – значит, ты «получеловек», «леди все-потеряйло-и-забывайло, иди, страдай» [7, с. 43]). Но сама возможность появления подобной номинации ребенка – симптоматична.

Не раз в романе художественное осмысление получают ситуации, в которых показана родительская черствость. Все это не остается без последствий и психологических травм, которые переживает ребенок даже после взросления: отсутствие похвалы в детстве привело к тому, что

героиня вынуждена признать: «...к любым проявлениям похвалы с того времени я отношусь подозрительно» [7, с. 56]. При этом невербальное взаимодействие со взрослым может оказаться для ребенка не менее болезненным, чем прямой разговор. В этой связи показателен эпизод с горячей водой, которую мама набирала героине для купания: «...вода была не просто горячая, а кипятком, не знаю, почему мама делала такую температуру воды... С того времени я не люблю мыться в ванне» [7, с. 50].

Таким образом, специфика изображения темы детства в романе О. Гапеевой «Кэмэл-Трэвэл» обусловлена тем, что писательница представляет этот период как пространство трагического, анализирует психологические травмы детства, от которых не излечилась и после взросления.

Библиографический список

1. Гапеева, В. Кэмэл-Трэвэл : роман / В. Гапеева. – Мінск : Галіяфы, 2019. – 104 с.
2. Карпеева, Т. А. Художественно-документальные жанры русской литературы XI–XX вв. (Генезис, жанры, поэтика) : учебно-методическое пособие / Т. А. Карпеева. – Казань : КФУ, 2013. – 93 с.

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

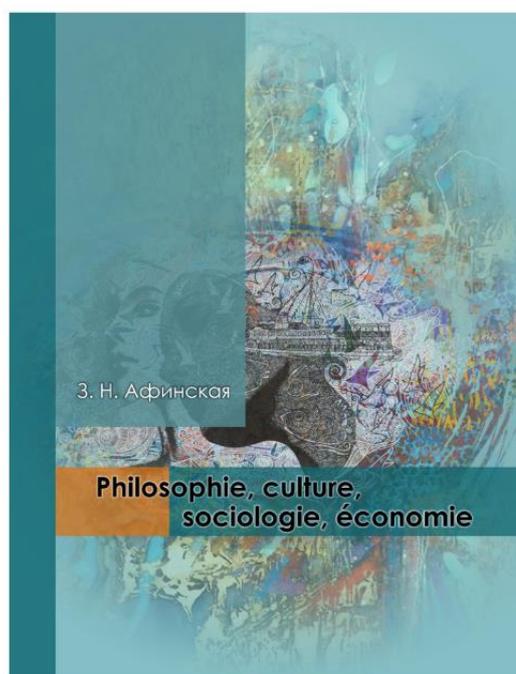
**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору